

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 202–231.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 202–231.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-202-231

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МОЛОДЫХ

В. К. Кантор¹, Е. Л. Попова², А. Д. Мазурова³, В. Э. Даниелян⁴,
Е. Ю. Филипенкова⁵, А. В. Федорова⁶, А. А. Осыкина⁷, М. А. Владимиров⁸,
М. С. Димова⁹, В. А. Воробьев¹⁰, М. К. Воробьева¹¹, О. Ф. Левина¹²

¹⁻¹²Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

Владимир Карлович Кантор, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Публикуется подборка лучших эссе, написанных на темы по выбору студентами четвертого курса образовательной программы бакалавриата «Философия» под руководством проф. В. К. Кантора. Молодые люди высказывают свое отношение к событиям и произведениям столетней давности и дают им оценки. В центре их внимания такие мыслители, как В. В. Розанов, П. Н. Миллюков, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, В. И. Ленин и др.

Ключевые слова: Серебряный век, «Вехи», русская ментальность, интеллигенция, русская церковь

Благодарности: Статья и эссе подготовлены в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. и др. Первый опыт молодых // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 202–231. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-202-231>.

Professor's workshop. Scholia

THE FIRST EXPERIENCE OF YOUNGERS

Vladimir K. Kantor¹, Elena L. Popova², Angelina D. Mazurova³,
Valeriya E. Danielyan⁴, Elizaveta Yu. Filipenkova⁵, Alina V. Fedorova⁶,
Aleksandra A. Osykina⁷, Matvei A. Vladimirov⁸, Margarita S. Dimova⁹,
Vyacheslav A. Vorob'ev¹⁰, Mariya K. Vorob'eva¹¹, Ol'ga F. Levina¹²

¹⁻¹² National Research University "Higher School of Economics"
(HSE University), Moscow, Russia

Corresponding author: Vladimir K. Kantor, vlkantor@mail.ru

Abstract. A selection of the best essays written on topics chosen by fourth-year students of the Bachelor's degree program "Philosophy" under the guidance of prof. V. K. Kantor. Young people express their attitude to the events and works of a century ago and evaluate them. In the center of their attention are such thinkers as V. V. Rozanov, P. N. Milyukov, D. S. Merezhkovsky, N. A. Berdyaev, V. I. Venin and others.

Keywords: Silver Age, "Vekhi", Russian mentality, intelligentsia, Russian Church

Acknowledgments: The article and essays were prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University).

For citation: Kantor, V.K. et al. (2021) 'The First Experience of Youngers', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 202–231. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-202-231.

Владимир Карлович Кантор

В. К. Кантор: Вступающим в науку молодым людям необходима поддержка. В свое время подмастерье демонстрировал свое умение некоему профессиональному кругу. Наш журнал уже три года показывает свой уровень. На его страницах печатаются весьма крупные отечественные и зарубежные ученые. Круг наших читателей достаточно широкий, но интеллектуальный. Что может быть лучше для студента, чем предъявить свою работу, работу еще не мастера, но подмасте-

рья, некоему ученому ареопагу. На курсе русской философии у меня семьдесят три студента, которым я предложил написать эссе на следующие темы (по выбору, разумеется). Надо сказать, практически все эссе были на очень хорошем уровне. Отобрать лучшие было довольно сложно, не уверен, что у меня получилось, как следует. Но лиха беда — начало. Думаю, это первая попытка показать работу молодых. Будут, рассчитываю, и другие.

Темы эссе:

1. Как Вы понимаете Серебряный век?
2. «Вехи» и бунинская «Деревня»: точки соприкосновения и отталкивания;
3. «Вехи», Вл. Соловьев, С. Н. Булгаков: еврейский вопрос в русской культуре;
4. Почему «Вехи» появились между двух революций? Что значил сей симптом?
5. Василий Розанов, «Вехи» и русская церковь;
6. «Вехи» и статья П. Н. Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция» (в защиту интеллигенции?);
7. М. А. Колеров. «Манифесты русского политического идеализма». Раздел о «Вехах» (краткий аналитический пересказ);
8. Почему В. И. Ленин был так резок в своей оценке «Вех»?
9. Меняется ли русская ментальность? Рассуждения на тему (глава из книги В. К. Кантора «Между произволом и свободой»).

«Вехи» и статья П. Н. Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция»

Е. Л. Попова: В необъятном множестве критических произведений, посвященных сборнику «Вехи», статья П. Н. Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция» занимает особое место. Будучи превосходным историком, Милюков предпринял попытку, с одной стороны, выступить против главных мотивов сборника, то есть в защиту интеллигенции, а с другой — искренне и глубоко понять взгляды веховцев.

Как и авторов «Вех», Милюкова волновали изменения, которые происходили в России после октября 1905 года: на фоне исторических переломов менялась и русская интеллигенция. Как отмечает автор, несмотря на важную роль в судьбе России на протяжении всей истории, ее влияние после первой революции, «приняло,

Елена Леонидовна Попова

наконец, вполне и широко организованную форму. Оно распространилось далеко за обычные свои пределы в новые, незатронутые доселе слои населения» [Милюков, 2013].

Обличительный пафос сборника «Вехи», направленный против интеллигенции, как замечает сам Милюков, можно выразить в формуле «тройного “отщепенства”»: безрелигиозности, безгосударственности и безнациональности. Авторы «Вех» видели в интеллигенции силу, которая породила революционное бесовщичество, и искали возможный выход в преодолении данных пороков. Интеллигенция должна переродиться, став национальной, государственной и в первую очередь религиозной. Однако Милюков отмечает, что веховцы рисуют слишком упрощенную картину религиозного отрыва интеллигенции, не углубляясь в «область истории религиозного сознания» [там же], которое претерпевающая эволюцию, неизбежно приводит к этому отрыву: «всякая интеллигенция оказывается в положении Сократа, в положении “отщепенца” своей религии» [там же]. Так, интеллигенция оказывается вписана в исторический контекст, поэтому, как пишет В. К. Кантор, «Милюков объясняет отрыв интеллигенции от религии низкой степенью религиозности самого народа» [Кантор, 2006, с. 109].

Переходя к основной проблеме русского народа, очерченной в «Вехах», стоит отметить критику безынициативной массы. В частности, Булгаков пишет о пороках коллективизма и «общественного духа», порождающего ту *безымянную Русь*. Интеллигенция упрекается в чрезмерном народничестве, которое не дает развиваться должной степени свободы и духовного роста личности. Однако Милюков видит здесь глубинное противоречие в позиции авторов сборника: критикуя интеллигенцию, они сами являются ее частью — «и обвиняемые, и обвинители, — одинаково интеллигентские» [Милюков, 2013]. Как отмечает В. К. Кантор, «В “Вехах” характерна позиция самоотречения от своего интеллигентского существа, стыд за свою позицию в жизни, попытка преодоления пути кающегося дворянина, считавшего, что во всех народных бедах виноват он, а народ — свят» [Кантор, 2010, с. 95].

Как и Чаадаев, Милюков пишет о параллелях в историческом развитии России и Запада, в частности о роли интеллигенции: «интеллигенция вовсе не есть явление специфически русское», и «эволюция интеллигентского духа в других странах представляет ряд любопытных аналогий с нашей историей» [Милюков, 2013].

За этой параллелью открывается истинная перспектива роли интеллигенции в судьбе России. Так, статью П. Н. Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция» можно рассматривать как попытку историософии, поиска

нового пути России, в котором ключевая роль достается интеллигенции, которой, по словам самого автора, «принадлежит инициатива и творчество» [там же], которая «идет впереди своей массы» [там же] и вершит историю и которой принадлежат те яркие личности, к которым взывал еще Чаадаев.

«Вехи» и бунинская «Деревня»: точки соприкосновения и отталкивания

Ангелина Дмитриевна Мазурова

А. Д. Мазурова: Сравнительный анализ сборника «Вехи» и повести «Деревня» И. А. Бунина с необходимостью предвосхищает вопрос оснований такого сопоставления. Дело в том, что Бунин и авторы «Вех» выбирают своим предметом рассмотрения две сильно различающиеся группы населения: в первом случае речь идет о крестьянстве, во втором — об интеллигенции. Говоря об интеллигенции, веховцы имеют в виду не особый верхний культурный слой, представленный людьми умственного труда, а специфическую

группу более или менее образованных радикалов, объединенных общей враждой к власти и любовью к народу. Эта группа составляла едва ли не большинство тогдашних русских образованных людей. В качестве отличительной черты интеллигенции многими признавалось чувство вины перед простым народом за его рабское состояние и, как следствие, конфронтация по отношению к лицам, стоящим у власти, стремление помочь народу.

Народ воспринимался интеллигенцией не реалистично, а в ореоле ей же созданного мифа. С точки зрения Бунина, одни русские интеллигенты превозносили патриархальность и благочинность русского мужика, другие в распадающемся деревенском мире искали зачатки новой, в том числе и социалистической, жизни. Изображая деревню, писатель заостряет внимание на несоответствии ее реального положения идеализациям народников и неонародников, мистическим трактовкам народной души, выражаемой декадентами.

Оба произведения написаны в годы реакции, проистекают из рефлексии первой русской революции 1905–1907 годов. Согласно авторам «Вех», крах русской революции показал бессилие радикальной интеллигенции, которая пыталась, и временами не без успеха, ее возглавить. Сборник ставил своей целью объяснить, что произошло и что будет, если интеллигенция останется при сво-

ем мировоззрении. В свою очередь, Бунин, будучи уверенным в гибельности революционной борьбы, хотел своим произведением обратить внимание на причины нескончаемых бед деревни, в которых он видел угрозу для будущего всей страны. Изначально задуманная как книга о деревне, повесть раскрывает проблемы всей русской жизни. В ней затрагиваются проблемы всего человеческого существования: экономики и философии, психологии и семьи, нравственности и религии, политики и истории. Обилие персонажей, описание которых автору удалось дать, помогает представить портрет многомиллионного разноликого русского народа. Таким образом, тема деревни перерастает у Бунина в тему всей России того времени.

И для «Вех», и для «Деревни» важен вопрос: готов ли русский народ распорядиться своей судьбой? События революции 1905–1907 годов затронули все общественные слои. От поведения и самосознания всего народа стала зависеть судьба России.

Можно сказать, что в обоих произведениях авторы стремятся объяснить происходящее через фокус духовной жизни человека. Так, в предисловии к сборнику Гершензон пишет, что все его авторы разделяют убеждение в первенстве духовной жизни над внешними формами общежития: «...внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» [Гершензон, 2017, с. 4].

Идеология интеллигенции, согласно авторам сборника, противоположна данному принципу, ошибочна и, как следствие, бесплодна. Достижение цели интеллигенции — освобождение народа — с этим подходом невозможно. Таковы основные тезисы, в доказательство которых разворачивается вся дальнейшая аргументация авторов сборника «Вехи».

На протяжении всей повести Бунина мы встречаемся с описанием ужасающих условий повседневного существования, рабскими привычками и рабской психологией, свойственными всему народу, несмотря на то что юридически он уже рабом не является. Переставшие быть крепостными, многие мужики остаются в бедности и потому оказываются неспособными наладить свою жизнь из-за лени, глупости, генетической дикости. Судьбы главных героев — хозяина-торгаша Тихона и самоучки-правдоискателя Кузьмы, — также плачевны. Причиной тому являются, согласно автору, беспредметное ожидание и бесхарактерность сопутствующие им.

В заключение, несмотря на разный социальный статус, две описанные в «Вехах» и «Деревне» группы населения, согласно авторам, схожи в том, что ду-

ховно бедны. Интеллигенция далека от религиозных традиций народа. Крестьяне невежественны, ленивы, слабы. Интеллигенция не понимает народ, видит его неверным образом. Роли обеих групп являлись критически важными в реалиях событий того времени, и их описание, выявление присущих им проблем не может не представлять интереса. «Деревня» и «Вехи» написаны в одно время как реакции на одни и те же события, в произведениях мы сталкиваемся с описанием одного и того же духа времени, но с разных точек зрения, что делает это описание более полным.

Василий Розанов, «Вехи» и русская церковь

В. Э. Даниелян: Статья В. В. Розанова «Русская церковь» и сборник «Вехи» были опубликованы в 1909 году, впечатляющем своей интеллектуальной наполненностью. Это было время духовного кризиса, когда необходимость в рефлексии прошлого опыта и настоящего положения дел стала очевидна и осознание этого требовало «сосредоточенного раздумья, самоуглубления, самопроверки» [Булгаков, 2017, с. 38]. В «Вехах» осуществляемый интеллигенцией самоанализ, чтобы понять, что есть сейчас и почему сейчас именно такое, находит свое наиболее яркое выражение. Эта рефлексия не направлена на политический аспект прошлого, но скорее стремится прояснить «основные вопросы», вопросы метафизики, этики. Через такую самокритику культуры, реализуемую во многих знаковых произведениях того периода, происходит ее искупление и очищение, ее обновление. Розанову подобные настроения были близки: про «Вехи» он писал, что «...это — самая грустная и самая благородная книга, какая появлялась за последние годы. Книга, полная героизма и самоотречения» [Розанов, 1995, с. 355].

Валерия Эдуардовна Даниелян

Характерные для этого времени критический импульс, осознание духовного кризиса и стремление найти его причины очень ярко проявляются в «Русской церкви» Розанова. Он не останавливается на обличении исторического православия и русской церкви, а идет дальше, анализируя саму природу русской религиозности и, следом, русскую ментальность вообще. Розанов обращается к православию как к метафизической основе бытия русской нации, к «душе нации» и обнаруживает, что она омертвела, и, кажется, никогда не жила, в том смысле, что всегда стремилась умереть. Ведь «близиться к

смерти» — значит «близиться к святости» [Розанов, 1994, с. 10]. Православная Россия хочет истребить в себе все человеческое, уйти от всего земного, от самой земной жизни. В этом смысле православие монофизично, оно признает истинной только «нечеловеческую», божественную природу. Такое православие не может дать человеку основу для жизни, опору, ориентиры в его деятельности, потому что отрицает жизнь в себе: «...все радостное, земное, всякое просветление через религию собственно самой жизни и ее условий враждебно основным тенденциям Православия...» [там же, с. 16]. Возможно, именно в отсутствии у православия основы для действия, для жизни кроется причина того, почему русские революционеры были нигилистами. Оцепенение православия породило свою противоположность. Православие, которое говорит: «...“стойте, не шевелитесь, — не горячитесь, главное — не горячитесь: иначе все рассыплется”» [там же, с. 29], вызывает ответную реакцию — утверждение мысли, что я имею право осуществлять свою идею, не оглядываясь на мораль, которой, кажется, уже и нет в нигилистической парадигме. В то время, когда статья «Русская церковь» была написана, отсутствие нормальной метафизики, которая не препятствует жизни, но определяет ее, уже проявилось в полной мере. Авторы «Вех» продемонстрировали это на примере деятельности и мысли русской интеллигенции. Но такое разоблачение одновременно является и началом обновления. В. К. Кантор утверждает, что «Секрет “Вех” и абсолютно новое понимание и пожелание России (чего не было ни до, ни после) в том, что на основе православия они пытались выстроить “протестантскую этику”» [Кантор, 2011, с. 265]. Симптоматично, что Розанов противопоставляет православие католичеству и протестантизму: «Разница между тишиною и движением, между созерцательностью и работою, между страдальческим терпением и активной борьбою со злом — вот что психологически и метафизически отделяет Православие от Католичества и Протестантства...» [Розанов, 1994, с. 8–9]. В этом же различии он и видит беду православия, которое определяет Россию как что-то «погибшее в смысле прогресса». Протестантская же этика, важным и определяющим понятием которой является труд, в сочетании с обновленным православием, которому она может придать волю к жизни, способна вернуть значение личности, дать фундамент для возвращения идеала личной нравственности, стремления к самосовершенствованию, освободить «живую творческую энергию» в ней. Таким образом, этот период характеризуется поиском нового основания для жизни, деятельности, личности. Самокритика, осуществляемая интеллигенцией, не только разоблачает отсутствие такого основания в прошлом, но и способствует нахождению этого метафизического фундамента.

Меняется ли русская ментальность? Рассуждения на тему

Е. Ю. Филипенкова: Меняется ли русская ментальность? Чтобы попытаться приблизиться к истине касательно ответа на этот вопрос, обратимся к книге В. К. Кантора «Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности». Профессор пишет о некоторой цикличности историко-политических процессов, происходящих в российском обществе на протяжении многих лет. Этот цикл подразумевает подчинение народа государству, затем следуют народные возмущения, сопровождающиеся произволом, а затем — еще больший деспотизм со сторон государства [Кантор, 2007, с. 242]. Складывается впечатление, будто русский народ в силу своей ментальности обречен на бесконечное подчинение государству.

Елизавета Юрьевна Филипенкова

Истоки такого положения дел находятся в социокультурных отношениях, которые сложились на рубеже XV–XVII веков [там же, с. 243]. Первая причина состоит в возведении государства главной ценностью и умаление ценности личности. Народ использовался как нечто целое и обезличенное, подчиняющееся. Ввиду отсутствия хороших природных преград для защиты от врагов именно человеческие жизни использовались как «материал» для защиты государства. Первая причина, как ее выделяет В. К. Кантор, заключается в изолированности России и мессианизме.

Россия издавна несет в себе пафос исключительности, претензию на обладание вечной истиной и, как результат, непонятость и одиночество.

Россия постоянно подкармливалась слепой верой в «Россию будущего», в лучшую Россию, чем она есть сегодня. Эти надежды утопичны, потому что по большому счету они не подкреплены какими-либо действиями для реального продвижения в сторону улучшений. Причем человек готов, если придется, переносить страдания ради призрачной мечты о месте, которое, возможно, никогда не будет создано. Но наивно было бы полагать, что такое положение дел справедливо лишь по отношению к прошлому. Эти идеи могут оказаться справедливыми и для современной власти, которая, как кажется, привыкла эксплуатировать слово «завтра». Только и слышно о том, что когда-нибудь, в обозримом будущем должно стать лучше. Но это «когда-нибудь» пока что не настало и никогда не настанет, если человек будет просто верить и ждать. Ждать, что государство за него все сделает. Но сейчас все чаще наблюдается

другая тенденция — люди не хотят страдать ради призрачного «завтра», поддаваться слепой вере, ничего при этом не делая. Они стараются надеяться на себя, работать для себя, думать о себе. С одной стороны, это формирует в личности очень важную черту — независимость. Независимая личность перестает уповать на государство. С другой стороны, такое мышление может привести к полному индивидуализму, разобщенности и утверждению приоритета материальных ценностей над духовными. На наш взгляд, такая тенденция — ставить в приоритет материальное — в миропонимании многих людей также прослеживается. Если смысл жизни человека будет сводиться лишь к обладанию вещами, то мы, вероятно, построим будущее меркантильных одиночек. А ведь современный человек склонен верить, что деньги сделают его чуть ли не богом. Поэтому важно развивать и духовность, и осознанность своей деятельности, иначе русский человек обречен на бесконечное подчинение государству.

Итак, меняется ли русская ментальность? Вероятно, меняется. Но трудно сказать, является ли это изменение в полной мере положительным, потому что современный человек чрезмерно озабочен материальным. Возможно, это своеобразный этап развития русской ментальности, после которого через какое-то время у русского человека в приоритете станут духовные ценности и духовное развитие, и они будут органично сливаться с личностной независимостью каждого.

Алина Вячеславовна Федорова

А. В. Федорова: В настоящем эссе мы исходим из позиции, что ментальность народа — реально существующее явление и его можно вывести из определенных событий, которые отложились в коллективной памяти. Осмысление собственной идентичности на основе исторических событий — полемика, свойственная многим нациям. Под ментальностью подразумевается дух народа, его общие установки, коллективные бессознательные модели поведения. Она появляется, когда народ начинает осознавать себя общностью и идентифицирует себя в национальной группе.

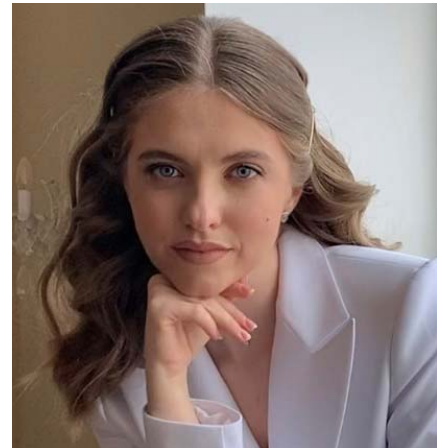
В чем же заключается особенность русской ментальности и какие исторические вехи послужили ее сложению? Для этого нам нужно обратиться к давней истории. Пожалуй, одним из главных государствообразующих исторических факторов является монгольское нашествие. Именно оно ввело первые важные аспекты классической русской мен-

тальности. Чувство вражеского окружения принесло за собой и чувство коллектива: чтобы выжить, необходимо быть в плотном кругу, в общине соратников. Так появился первый аспект русской ментальности — общинность, коллективизм. На мой взгляд, именно затяжное подневольное состояние ига стало катализатором сплочения русского народа. Для этого потребовались колоссальные усилия, установление жесткой централизованной власти (поскольку именно таким образом разрозненные княжеские земли могли сплотить силы для победы), а также четкая мотивация для отдельного человека, идейная общность, которую предоставляла православная вера. Я не хочу утверждать, что уже во времена монгольского ига сложилась знаменитая триада — православие, самодержавие, народность. Но нельзя отрицать, что подобного рода идеи позволили русским княжествам обрести независимость. Примерно в таком виде русская ментальность существовала вплоть до второй половины XIX века. После этого начинается более активное интеллектуальное осмысление вопроса, складывается сообщество русской интеллигенции, появляется публицистическое поле, предметом которого очень часто становится судьба России и русского человека. Происходит и осмысление русской ментальности: она выходит из поля подсознательного в поле рационализированного и обсуждаемого. Ее можно критиковать, обдумывать и винить в неудачах и провалах. Можно вскрывать порочный характер подобного способа мысли, обсуждать его изъяны. Особенно важным кажется аргумент о незрелости такой ментальности. Коллективность, сильный властный аппарат и четкая идеология не предполагают мысли одного маленького человека. Все решается сверху, а человеку остается только повиноваться. Это свидетельствует, используя терминологию Канта, о несовершеннолетнем состоянии общества. Вплоть до конца XX века русская ментальность по сути своей остается неизменной. Даже Октябрьская революция и левый поворот государства не разрушают основных принципов триады: народность переходит в партийность, самодержавие в вождизм, православие в коммунистическую идеологию. Только разрыв, глубокое падение, происходившее в 1990-е годы, смогло немного изменить русскую ментальность. Этот переход не остался незамеченным. Сейчас 1990-е воспринимаются как точка невозврата, время полного морального падения, отхода от истинного пути России. Это была также интеграция России в западную ментальность (она неразрывно связана с рациональным и капиталистическим мышлением).

Что же происходит сейчас? Сейчас мы видим тенденцию к возвращению традиционной русской ментальности, которая идет сверху вниз. Государство на данный момент проводит традиционалистскую политику, делает ставки на сильную централизацию власти, форсирует русскую идею и открыто под-

держивает религиозное мировосприятие. Тем не менее кажется, что обычный человек, переживший травму 1990-х, уже не верит в возможность возрождения традиции, а люди, рожденные после этого, в «свободной» России начала XXI века, уже не имеют того фона коллективистской Советской России. Поэтому кажется, что возврат к традиции уже невозможен. Мы навеки отрезаны от интерпретации триады XX века, а от монархической идеи нас отделяют еще более глубокие пропасти. Назад пути уже нет. К тому же, почувствовав иной дух, западный, международный, сложно будет вернуться к проблематичной традиционной русской ментальности. Это, конечно, не означает, что новый дух абсолютно чистый и замечательный — у него есть свои проблемы. Но он другой и предоставляет больше свободы и индивидуальности для отдельного человека. Новая ментальность предполагает бóльшую ответственность отдельного человека, которая приводит и к бóльшему благосостоянию и самостоятельности. Человек сможет рассчитывать на свои силы, строить планы на будущее, быть уверенным в завтрашнем дне, что невозможно делать в мировоззрении традиционном, где народ остается в детском состоянии, в колыбели церкви и государства. Таким образом, русская ментальность однозначно меняется. Сейчас мы живем в шаткое время, когда одно мировоззрение безвозвратно уходит (хотя его пытаются вернуть и по нему ностальгируют), а новое еще не успело в полной мере прижиться и сформироваться.

А. А. Осыкина: Рассуждения о будущем какого-либо феномена, на мой взгляд, невозможны без ретроспективы в историческое прошлое. Особенно верным это утверждение кажется в контексте вопроса о русском человеке, его деяниях и чаяниях. Наше государство, а соответственно, и общество, на протяжении почти всей своей истории находилось как будто в эпицентре событий, постоянно меняя идеологии и системы ценностей. Именно поэтому в изучении русской ментальности и потенциальных перспективах ее развития теоретический подход будет менее продуктивен по сравнению с изучением «живой истории».

Александра Алексеевна Осыкина

Русскую ментальность, являющуюся центром рассуждения данного эссе, можно определить классическим путем, как «умственный и духовный строй народа». Но, исходя из специфики русского наследия, правомерно будет сюда же добавить и паттерны поведения, особенности реакций общества, специфи-

ку коллективной памяти и т. д. Тогда картина, которую мы получим, будет объемнее и ярче в деталях.

Говоря о том, меняется ли русская ментальность, стоит начать с исходных данных, которые раскроют суть понятия. Так, важной характеристикой можно назвать внутреннюю антиномичность феномена, противоречивость как неотъемлемую часть самосознания общества. Одно из возможных объяснений такой особенности может лежать в сфере отношений российской идентичности и европейской культуры.

Путь развития нашего государства действительно особый, но невозможно отрицать и ту ориентацию на Запад, которая засела в умах народа, иногда следуя как тень, а часто проявляясь отчетливо, становясь решающим фактором исторических действий. Интересно, что в любом случае европеизм остается в русском менталитете, но в разных ролях. Или он является тем идеалом, стремление к которому питает страну, или оппонентом, лишь отделившись от которого, можно встать на путь праведный и истинный.

Еще одним определяющим моментом, который играет важнейшую роль в формировании русской ментальности, становится отношение государства и общества внутри него. Человек желает заполучить свободу, лелея мечту об индивидуализме Запада (не зря именно с Петром I в России появилось хоть какое-то представление о личности), но возникает ощущение, что русскому человеку будто по природе не свойственно такое качество. На протяжении веков, со времен татар русские люди трудятся на благо кого-то, но не себя самого. Приоритет общего над личным стал важной ценностью народа. Общинность — понятие с весьма позитивной коннотацией — в контексте русского государства становится сильным инструментом власти для организации внутреннего порядка. И тут возникает не самый приятный вопрос: а способен ли вообще русский человек к порядку без сильной руки монарха или диктата партии?

Конечно, несправедливо указывать исключительно на негативные стороны. Духовность, в частности христианство, дала рождение великой русской литературе. Именно она стала фундаментом для русской философии и воспитала поколения интеллигенции. Сейчас же эти черты, некогда яркие, тускнеют в современности. Вместе с ними растворяется и духовность, которая в первую очередь ассоциируется с исторической судьбой России.

Каким образом проявляется наша национальная ментальность сейчас? Ситуация в стране очень шаткая и неопределенная. Чтобы привести ее в норму, государство проводит политику, которая, по его задумке, должна способствовать возвращению традиционного самоощущения народа. Она включает в себя воспевание исключительности и мощи страны, тотальный контроль

всех сфер жизни, поддержку религии как фактора сплочения. С одной стороны, такое обращение к прошлому можно назвать естественной человеческой реакцией, поиском проверенного решения. В контексте же России такой возврат может быть истолкован глубже. Являются ли действия государства подтверждением мыслей о том, что «...принадлежащая нашей стране одна шестая часть суши является своего рода “заколдованным местом” (Н. В. Гоголь), из которого как ни пытайся уйти, все равно останешься там, где был?.. И ничто не меняется?..» [Кантор, 2007, с. 243].

Сложно отрицать, что наше поколение как минимум отличается от предыдущих, возможно, даже теми чертами, которые вовсе не были присущи предшественникам. События последних лет вкупе с глобализацией, которая оказывает беспрецедентное влияние на формирование умов, также могут воздействовать на русскую ментальность. Сторонников индивидуальной независимости, которые дистанцируют себя от государства ввиду противоречия взглядов, становится все больше. При этом важно в ходе избавления от изолированности, мессианства и проч. сохранить положительные черты национальной идентичности, которые бесспорно существуют. Хочется верить, что мы сошли с этого замкнутого круга и встали на прямой, пусть и сложный, путь к свободному миру с проработанной от прошлых травм и событий русской ментальностью.

Почему В. И. Ленин был так резок в своей оценке «Вех»?

М. А. Владимиров: Вышедший в 1909 году сборник «Вехи» приобрел свою первую популярность очень быстро, так как сразу же стал объектом критики со стороны различных представителей русской политической и философской мысли. Критика статей о русской интеллигенции, выдвинутая В. И. Лениным, интересна по нескольким причинам. Во-первых, Ленин, пусть в кратком виде и в весьма неделикатной манере, представляет «Вехи» практически монолитным в идейном плане сборником, в то время как позиции

Матвей Алексеевич Владимиров

участвующих в нем авторов имеют серьезные различия. Во-вторых, сопоставление взглядов Ленина со взглядами «веховцев» (или отчасти с тем, что, по мнению Владимира Ильича, таковыми является) обнаруживает удивительно яркий контраст в определении ценностей, способов и целей размышлений.

В-третьих, ленинское отношение к «Вехам» по понятным причинам было общепринятым в Советском Союзе, что побуждает и современных исследователей возвращаться к нему.

Критиковать авторов «Вех» Ленин начинает с их определения «интеллигенции». Лидер партии большевиков обвиняет «веховцев» в подмене понятий: он отмечает, что авторы «записывают» в интеллигенцию мыслителей демократического толка, таких как Белинский или Чернышевский, но не Достоевского, Соловьева или других носителей консервативных взглядов. Ленин утверждает, что таким образом сборник «Вехи» направлен против демократических движений в России и остальном мире. Недоволен Владимир Ильич и тем, что «веховцы» осуждают атеизм и материализм «интеллигенции», продвигая религиозное мировоззрение и «идеалистическую» позитивистскую научную парадигму. Мыслитель также обращает внимание на отношение авторов «Вех» к народу. В частности, его возмущает слово «народопоклонничество», обозначающее непоколебимую уверенность в правоте «народа», которое, по мнению, «веховцев», свойственно представителям русской «интеллигенции». Ленин критикует какие бы то ни было призывы народа к ответственности, так как убежден, что ответственность должна лежать на представителях «высших классов» и что эти представители должны отвечать перед народом. По мнению Ленина, обличение русской «интеллигенции», внедрение «буржуазного» и религиозного мировоззрения, критика народных масс в «Вехах» — признаки страха либералов — прежде всего членов партии кадетов — перед ростом общедемократических настроений. Таким образом, «Вехи», по убеждению мыслителя, — символ «полнейшего разрыва русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями» [Ленин, 1973, с. 168]. Большинство авторов «Вех» действительно имело отношение к партии конституционных демократов, но они принадлежали скорее к правому ее крылу, не выражали мнения всей партии и подверглись критике со стороны кадетского лидера П. Н. Милюкова¹. Впрочем, Ленин назвал эту критику «лицемерием» [там же, с. 175].

Мне кажется, оценка «Вех» Лениным столь резка из-за того, что между мыслительными парадигмами большевистского лидера и «веховцев» лежит пропасть. Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, А. С. Изгоев и другие авторы «Вех» при уже отмеченном различии в их взглядах мыслили категориями религиозной рефлексии, переосмысления культуры. Они видели возможным пусть не политически нейтральный, но не сильно политизированный диалог со своими оппо-

¹ См. [Багдасарян, Реснянский, 2015].

нентами. Они считали, что мысль не менее, а, возможно, даже и более важна, чем действие. Они осуждали массовое насилие как явление. Для Ленина, как марксиста и основателя своеобразного течения в марксизме, философия — это действие, а религия и культура — угнетающие элементы классовой борьбы. Политический нейтралитет невозможен, а массовое насилие как часть классовой борьбы, по сути, неизбежно. Для классического марксиста все политично. Классический марксист считает себя носителем единственно верного мировоззрения, поэтому любой немарксист для него — это либо добросовестно заблуждающийся оппонент, либо осознанный враг. Я считаю, что Ленин так резко критиковал «Вехи» именно потому, что был последовательным в своем мировоззрении.

Я не считаю, что среди мыслителей, обсуждаемых в данном эссе, кто-то был прав или не прав, и тем более не собираюсь выносить этических оценок. Я вообще склоняюсь к тому, что не существует рациональных оснований для того, чтобы предпочесть одну философскую парадигму другой — особенно когда они базируются на столь разных принципах. Каждый сам делает свой выбор на основании личного религиозного чувства, эстетических или этических предпочтений или, может быть, из соображений политической эффективности. Русская мысль начала XX века замечательна тем, что представляет очень широкий и исторически уникальный выбор.

Как Вы понимаете Серебряный век?

М. В. Димова:

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

Владислав Ходасевич

Россия — великая страна. Ее место на мировой арене значительно не только географически, но и исторически. Почти что все события, происходившие и происходящие в нашей стране, выходят за ее границы и оказывают влияние на другие государства. Глубина же этого влияния зависит от того, насколько они актуальны в мировом масштабе. Например, такое явление, как Серебряный век, пришлось не только по России, но и по Европе, оставив вечный след в культуре, политике и судьбах человеческих.

Маргарита Светославова Димова

Лично у меня Серебряный век вызывает множество ассоциаций, которые могут помочь объяснить понимание данной эпохи: начало XX века, Октябрьская революция, Анна Ахматова, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Константин Циолковский, Николай Жуковский, рефлекс Павлова, ноосфера и другие.

Начну, пожалуй, с того, что появление Серебряного века ознаменовано переходом из одного века в другой, из девятнадцатого в двадцатый. Мне кажется, что начало тысячелетия всегда связано с каким-либо масштабным событием, которое совершает некий переворот в стране. Например, начало XXI века совпало с президентскими выборами, и главой государства был выбран В. В. Путин. С того момента началась новая веха развития современной России. Чего только не произошло за эти почти два десятилетия — и изменение Конституции, и присоединение Крымского полуострова, и появление новой денежной валюты — криптовалюты, и коронавирусная инфекция, и другие явления, процессы и события. Так же и XX век был встречен революцией, которая навсегда изменила политическую систему России: свержение царя и установление нового, советского режима.

Не мне судить, насколько это хорошо или плохо, тем более что я — только последствие тех событий. Но плюсы есть, а именно то, что стало доступным образование для всех слоев населения, не только по социальному статусу, но и по гендерным различиям. А это был большой шаг в сторону сначала индустриального общества, а затем и постиндустриального, на закате которого мы сейчас живем.

Серебряный век принес нам много открытий в области искусства и естествознания. Октябрьская революция была не единственной в то время: произошла еще одна, и немаловажная, «революция в естествознании». Страна совершила много открытий в области науки. Это и открытия в области физики волн, сделанные П. Лебедевым, в самолетостроении — Н. Жуковским, и невероятные научные труды, которые обосновали возможность космических полетов и определили пути достижения этой цели К. Циолковским. А чего стоит открытие ноосферы В. И. Вернадским! Ведь благодаря его исследованиям были заложены основы экологии, которые в полной мере осознаются только сейчас. Также не могу обойти стороной и лауреата Нобелевской премии И. П. Павлова, который изучил физиологию пищеварения и высшую нервную деятельность. Разве это не может заставить меня гордиться своей страной? Ведь все открытия были последствиями не сытой и благополучной жизни, а упорного труда и «загадного» русского менталитета.

Естественно, я не могу обойти стороной поэтов и писателей, которые подарили нам шедевры или, говоря по-современному, бестселлеры. Это было вре-

мя интеллигенции. Если Золотой век создавали дворяне, то Серебряный век насквозь пронизан духом интеллигентов, крестьян и рабочего класса. Каждая строчка их творений наполнена духом того времени. «Хулиганские» стихи С. Есенина, как отголоски кабацкой России, лозунги футуристов, очень жизненная лирика А. Ахматовой, жизненные произведения М. Горького — все это только приближало авторов к народу, заставляя его переживать, а главное — понимать то, что до него пытаются донести. Это лишь малая толика того, что отражала литература Серебряного века, но это именно то, что лежит в моем сердце.

Все это и многое другое, как, например, искусство Ю. Анненкова, И. Репина, Н. Рериха и других художников, не кануло в лету, а имеет свою жизнь и в нашей современной информационной России. Для меня Серебряный век — это эпоха перемен, которые, как свежий ветер, внесли изменения в нашу жизнь. Без того прошлого не было бы нашего настоящего, и кто знает, какое будущее нас бы ожидало.

Вячеслав Александрович Воробьев

В. А. Воробьев: О Серебряном веке написано и сказано много; о Серебряном веке можно писать и писать, поскольку он охватывает едва ли не каждый аспект жизни России в конце XIX — начале XX веков. Мы привыкли видеть Серебряный век исключительно со стороны культурной составляющей, будь то живопись, поэзия или философия. Но абсолютно ошибочным будет не заметить то, что все это сопровождалось стремительным ростом во всех сферах русской жизни вообще: строительством школ и университетов,

развитием промышленности, строительством железных дорог и проч. Бурное развитие страны не могло не подтолкнуть меня к размышлениям о том, что на это могли без особых усилий обратить внимание и современники Серебряного века.

Почему-то принято считать, что Серебряный век во многом жил эсхатологическими ожиданиями. Это действительно можно увидеть в работах некоторых авторов того времени. Но сейчас об эсхатологических предсказаниях и реально последующих событиях — мировой войне и двух революциях в России, повлекших ее распад, приходу к власти большевиков — мы говорим уже постфактум. Сейчас мы тоже можем вдоволь насладиться многочисленными предсказаниями касательно не только судьбы России, но и едва ли не гибели всего

человечества (что особенно хорошо гармонирует с сегодняшними ковидными реалиями). Тем не менее, мне кажется, нельзя не говорить о вере в оптимизм, наблюдая за общим ростом России того времени.

Подобного рода размышления натолкнули меня на мысль, что если мы рассмотрим Серебряный век, отбрасывая различные экономические факторы, то мы можем увидеть в нем соответствующий общему росту *национальный подъем* России. Под этими словами я имею в виду в первую очередь поиск себя как страны, поиск своего будущего (отсюда, кстати, те же эсхатологические мысли) и открытие себя миру. Далее я попытаюсь раскрыть то, как мне представляется Серебряный век — подъемом национального самосознания.

Проявления подобного подъема можно отнести и к Золотому веку, когда действительно был расцвет русской культуры, в первую очередь литературы. Но стоит обратить внимание на важнейшее отличие, отделяющее эпоху Золотого века от Серебряного. Оно, как мне кажется, состоит в том, что Золотой век ориентировался по большей части на Европу, поскольку на это время выпало зарождение русской литературы как таковой. Он ориентировался на уже имеющуюся европейскую базу, с которой образованные русские люди того времени были знакомы. Отсюда и появляется пушкинское

Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Как бы мы не хотели этого признавать, но французский язык и европейская культура вообще оказали серьезное влияние на русскую культуру того времени, да и на отечественных специалистов других областей. Тех же ученых Россия вырастить еще не успела, поэтому приходилось довольствоваться имеющимися европейскими образцами как в искусстве, так и в философии и науке.

Так как Золотой век лишь задал направление развития поэзии, то о ее апогее мы можем говорить, достигнув Серебряного века. Тут налицо разнообразие стилей: от новокрестьянских поэтов, воспевавших общинную деревенскую жизнь, и до эгофутуристов с их возведенным в абсолют себялюбием. Тут же и обращение к народным мотивам, иногда даже восходящим к мифам, в том числе славянским. Это похоже на романтический национализм XIX века в Европе, который отождествляют с ростом национального сознания. Подобная аналогия уместна, она подтверждает тезис о видении Серебряного века как поиске национального. Поэзия же, однако, выступает в данном слу-

чае лишь как отражение настроений общества. Как Золотой век появился под веяниями времени и запросами общества, так и Серебряный иллюстрировал поиски себя.

Но если искусство, в частности поэзия, отражало уже имеющиеся настроения, то нельзя не упомянуть о них. Ведь непосредственно «национальное» начинается с мысли. И в этом плане Серебряный век обосновывал необходимость *искать себя внутри себя*. В философской мысли мы говорим о противостоянии западников и славянофилов, но это лишь конфликт сторон, из которых одна явно тяготела к Европе, а вторая отстаивала исконные позиции. Но *внутреннего поиска*, который появится лишь в Серебряном веке, тогда не наблюдалось. Говоря о внутреннем поиске, я имею в виду «русскую идею», описанную Достоевским и развитую Соловьевым — предшественниками Серебряного века в русской мысли. Череда русских философов Серебряного века обращалась к «русской идее», отвечая на вопрос: «Чем должна быть Россия?» И под этим вопросом скрывается смысл более глубокий. Это размышления о самой русской сути. Это скорее ответы, призванные показать нас самим себе. Не это ли и есть поиск себя, своего «национального»?

Мне кажется, что Серебряный век проявил себя именно в этом ключе. Он успел поставить вопрос, но не до конца дал ответ. Это, к сожалению, и есть трагедия России и всего Серебряного века в целом. Возможно, Россия загнала себя вопросами, не успев дать на них ответа. В результате судьба расставила все так, как и произошло. А вопросы оказались настолько важными, что мы отвечаем на них до сих пор. Но свое «национальное», свою «русскую идею» мы найти до сих пор не можем. Пророчески написал на этот счет в 1908 году Велимир Хлебников:

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.

Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.

Жестокое обаяние Серебряного века

М. К. Воробьева: Серебряный век для многих остается одним из самых романтических периодов русской культуры. Это время тонкой поэзии и обожествления прекрасного; яркая и незабываемая вспышка. Совершенно особенным Серебряный век делает то, что хрупкие поэтические и философские построения происходят на фоне нескольких величайших трагедий. В этом плане одним из самых показательных для меня текстов до сих пор остается «Россия во мгле» Герберта Уэллса:

Мария Константиновна Воробьева

Основное наше впечатление от положения в России — это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию. Насквозь прогнившая Российская империя — часть старого цивилизованного мира, существовавшая до 1914 года, — не вынесла того напряжения, которого требовал ее агрессивный империализм; она пала, и ее больше нет.

[Уэллс, 1964, с. 316]

Но это лишь описание того, что случилось, взгляд со стороны: взгляд современника-иностранца и обращение к истории, к тому, что было и приобрело уже свои коннотации в культуре. По-настоящему же философский вопрос можно сформулировать так: «Почему случилось то, что случилось?» Почему случился последний всплеск дореволюционной культуры и почему произошла революция? И могло ли одно существовать без другого?

Я часто размышляла о природе Серебряного века, потому что, как и многие, прониклась его жестоким обаянием и прошла путь от любви к поэме «Двенадцать» до угрюмого восхищения «Красным смехом» и «Романом без вранья». Поэтому мне особенно интересна точка зрения С. Л. Франка, который характеризовал свое время как крушение кумиров. «Крушение кумиров» вообще опасно читать впечатлительным натурам. Может показаться, что все исключительно плохо и выхода нет, а носители идей ходят по миру, как бомбы

с часовым механизмом, готовые взорваться и внезапным взрывом изменить полярность добра и зла. Так Франк описывает природу русской революции: это брожение идей интеллигенции; интеллигенции, которая, мучаясь стыдом за свое положение, свое образование, пыталась спасти страну от «гибельного строя», но в итоге сгинула сама:

Русский народ — так чувствовали мы — страдает и гибнет под гнетом устаревшей, выродившейся, злой, эгоистичной, произвольной власти. Министры, губернаторы, полиция — в конечном итоге система самодержавной власти во главе с царем — повинны во всех бедствиях русской жизни: в народной нищете, в народном невежестве, в отсталости русской культуры, во всех совершаемых преступлениях. Коротко говоря, существовавшая политическая форма казалась нам единственным источником всего зла. Достаточно уничтожить эту форму и устранить от власти людей, ее воплощавших и пропитанных ее духом, чтобы зло исчезло и заменилось добром и наступил золотой век всеобщего счастья и братства.

[Франк, 1924, с. 12]

Это размышление, конечно, расстраивает. Интеллигенцию вообще всегда хочется защищать и отстаивать, особенно зная истории их эмиграции и страданий. (Хоть кто-то и считает, что страдали они, сидя на Лазурном берегу и поедая устрицы, я все-таки помню первое впечатление от прочтения письма Вертинского Молотову.) Однако в правоте Франка меня парадоксальным образом убеждает Д. С. Мережковский. Его цикл статей «В тихом омуте» оставляет весьма неоднозначное впечатление. Н. А. Бердяеву, например, не нравились ограниченный прагматизм и материализм, приземленность в воззрениях на христианство Мережковского, а меня смущает та искренняя восторженность, которая исходит из его статей. Они пропитаны тем же революционным напряжением, что и «Двенадцать» Блока, но при этом Мережковский придает революции совершенно сакральное значение, он буквально воспевает ее. Бердяев осуждает его за эту наивность. Она, как мне кажется, есть и в осуждении Мережковским Андреева за излишнюю кровавость и безнадежность в произведениях. Мережковский ждет, когда вера и религиозный дух объединятся и спасут Россию. Он ждет развития событий, как в греческой трагедии: «Альцеста или настоящая Медея, <...> или Электра, или Ифигения — но что-нибудь должно ударить по сердцам с неведомой силой»². И вот тут сталкиваются два

² Из писем Д. С. Мережковского М. Н. Ермоловой [цит. по: Успенская, 2009, с. 5].

бессильных мира, которые ведут к трагедии, описываемой Франком. Есть Мережковский, который верит, что Россию спасут переводы греческих трагедий (ведь людям нужно просто постараться, чтобы развить такой уровень чувствительности, чтобы от слова сложить оружие). И есть Андреев, который верит примерно в то же самое, но предпочитает бить по самым чувствительным местам, вызывая ужас и страх. Самое ироничное в том, что революционную искру (по выражению Франка) уже давно подхватили рабочие и крестьяне, и они несут ее вперед, в будущее 1917 года. Их уже не очень интересует (да и когда интересовало?), что скажет и напишет интеллигенция, а она, в свою очередь, все глубже закапывается в собственные размышления. Это чем-то напоминает чеховский «Вишневый сад», где показано, насколько выпадает целый ряд людей из движения истории. Трагедия на самом деле в этом расколе, и русские религиозные мыслители знали, как исправить это. Но, увы, инерция революционного движения, общего декадентства и атеизма была слишком сильна, чтобы вовремя остановиться.

Как я понимаю Серебряный век? Как красивую, жестокую и печальную немолчимость. Это фатум.

Серебряный век как урок истории

О. Ф. Левина:

Все — голос Бога: «Воскресенью верь».

Вяч. Иванов

Дщи вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст
тебе воздаяніе твое, еже воздала еси нам.

Псалом 136

Ольга Федоровна Левина

Социальные и политические потрясения, заполонившие начало XX века, явились причиной трансформации культурной парадигмы. То была пора контрастов: с одной стороны, выезжает Ленин на броневике, с другой — уплывает Философский пароход, увозя с собой интеллектуальный цвет страны; В. А. Шуф в 1909 году пишет свои известные строчки:

Русь, увенчанная славой
За Отчизну и Царя!

а спустя двадцать лет по едва появившемуся государству бравадой пронесется гордая речь Маяковского о советском паспорте.

В начале XX века столкнулись две противоречащие друг другу картины мира: одни не успели осмыслить крушение устоев, другие были заняты мироустройством и политэкономическими вопросами. Исползволь уходит старая эпоха, а новая еще не пришла. В конце чеховского «Вишневого сада» Фирс дергает за ручку двери, а та заперта. «Уехали», говорит. И от этого «уехали» так горько: экзистенциальный ужас и тоска. И их никуда уже не деть, можно лишь поглубже запрятать, подавить, пока укладываешь вещи в чемодан, гадая, какова нынче погода в Париже. Так погибало русское дворянство. Финал греческой трагедии, где главный герой — сама Россия, а гамартия, трагический изъян — назревшее в обществе противоречие.

В предреволюционную пору наблюдается взлет культуры, и Серебряный век мы можем назвать русским Возрождением.

Поэзия русского Ренессанса формировалась в том числе под влиянием русской религиозной философии. Там, где начинается модерн, заканчивается все привычное и близкое; там, где былая духовность начинает исчезать, хочется переживать это ускользающее настоящее, транслировать свое слово. Однако до чего непросто это делать в условиях коренных перемен. Выходит, нужно обратиться к неизменному, вечному — тому, что непременно даст ощущение всеединства. Поэтому не последнюю роль в литературном творчестве Серебряного века сыграл Вл. Соловьев. Младосимволисты вообще-то и есть соловьевцы. В их числе наиболее приметный поэт — Александр Блок, который к тому же считается прямым наследником философии Соловьева. Блок пишет о Боге, о божьем, пытаюсь справиться с общественными метаморфозами. Однако найдя хоть немного успокоения в Боге, поэт трагично уходит в последние годы Серебряного века — смерть символиста становится символом смерти эпохи.

Противоречия Серебряного века не пощадили никого — ни читателя, ни почитателя, ни современника. Но самое главное — XX век не пощадил русскость, многовековую традицию.

Таков был урок истории, который нам всем необходимо выучить, переосмыслить, передать другому. Такова была наша скорбь на берегах рек вавилонских.

Список источников

Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Сборник «Вехи» в контексте общественной полемики о путях развития России: опыт интроспективного анализа // Вестн. РУДН. Сер. История России. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbornik-vehi-v-kontekste-obschestvennoy-polemiki-o-putyah-razvitiya-rossii-opyt-introspektivnogo-analiza> (дата обращения: 09.11.2021).

Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 37–103.

Гершензон М. О. Предисловие // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 3–5.

Кантор В. К. «Вехи» в контексте, или Интеллигенция как трагический элемент русской истории // Вопр. философии. 2010. № 4. С. 91–109.

Кантор В. К. Возможна ли в России интеллигенция? // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Изд-во «Дикое поле», 2006. Вып. 6. С. 95–115.

Кантор В. К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011. 608 с.

Кантор В. К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 272 с.

Ленин В. И. О «Вехах» // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Изд-во политической лит-ры, 1973. Т. 19. С. 167–175.

Милуков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция. СПб.: Лань, 2013. 31 с. URL: http://dugward.ru/library/milukov_p_n/milukov_p_n_intelligencia_i_istoricheskaya.html (дата обращения: 09.11.2021).

Розанов В. В. Мережковский против «Вех» (Последнее Религиозно-философское собрание) // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 354–358.

Розанов В. В. Русская церковь // Розанов В. В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С. 8–29.

Успенская А. В. Греческая трагедия в переводах Д. С. Мережковского // Эсхил. Софокл. Еврипид. Трагедии. Переводы Дмитрия Мережковского. М.: Ломоносовъ, 2009. С. 5–54.

Уэллс Г. Россия во мгле / пер. И. Виккер, В. Пастоева // Уэллс Г. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Правда, 1964. Т. 15. С. 315–376.

Франк С. Л. Крушение кумиров. Берлин: The YMCA PRESS Ltd., 1924. 103 с.

References

Bagdasaryan, V.E., Resnyanskii, S.I. (2015) ‘Sbornik “Vekhi” v kontekste obshchestvennoi polemiki o putyakh razvitiya Rossii: opyt introspektivnogo analiza’ [‘The Collection “Vekhi” in the Context of Public Polemics about the Ways of Development of Russia: The Experience of Introspective Analysis’], *Vestnik RUDN. Seria Istoriya Rossii*, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbornik-vehi-v-kontekste-obshchestvennoy-polemiki-o-putyah-razvitiya-rossii-opyt-introspektivnogo-analiza> (Accessed: 09 November 2021).

Bulgakov, S.N. (2017) ‘Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenii o religioznoi prirode russkoi intelligentsii)’ [‘Heroism and Asceticism (From Reflections on the Religious Nature of the Russian Intelligentsia)’], in *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [*Vekhi. Collection of Articles on the Russian Intelligentsia*]. Moscow: RIPOL klassik, pp. 37–103.

Frank, S.L. (1924) *Krushenie kumirov* [*The Collapse of Idols*]. Berlin: The YMCA PRESS Ltd.

Gershenzon, M.O. (2017) ‘Predislovie’ [‘Foreword’], in *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [*Vekhi. Collection of Articles on the Russian Intelligentsia*]. Moscow: RIPOL klassik, pp. 3–5.

Kantor, V.K. (2006) ‘Vozmozhna li v Rossii intelligentsiya?’ [‘Is an Intelligentsia Possible in Russia?’], in *Vtoraya navigatsiya: Al'manakh. Vypusk 6* [*The Second Navigation: Almanac. Issue 6*]. Zaporozh'e: “Dikoe pole” Publ., pp. 95–115.

Kantor, V.K. (2007) *Mezhdru proizvolom i svobodoi. K voprosu o russkoi mental'nosti* [*Between Arbitrariness and Freedom. On the Question of the Russian Mentality*]. Moscow: ROSSPEN.

Kantor, V.K. (2010) “Vekhi” v kontekste, ili Intelligentsiya kak tragicheskii element russkoi istorii’ [“Vekhi” in the context, or the intelligentsia as a tragic element of Russian history’], *Voprosy filosofii*, 4, pp. 91–109.

Kantor, V.K. (2011) “Krushenie kumirov”, ili Odolenie soblaznov (stanovlenie filosofskogo prostranstva v Rossii) [“The Collapse of Idols”, or Overcoming Temptations (the Formation of a Philosophical Space in Russia)]. Moscow: ROSSPEN.

Lenin, V.I. (1973) ‘O “Vekhakh”’ [‘On “Vekhi”’], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 tomakh. Tom 19* [*Complete Works: in 55 vols. Vol. 19*]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 167–175.

Milyukov, P.N. (2013) *Intelligentsiya i istoricheskaya traditsiya* [*Intellectuals and Historical Tradition*]. St. Petersburg: Lan'. Available at: http://dugward.ru/library/milukov_p_n/milukov_p_n_intelligencia_i_istoricheskaya.html (Accessed: 09 November 2021).

Rozanov, V.V. (1994) 'Russkaya tserkov' ['Russian Church'], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. V temnykh religioznykh luchakh* [Collected Works. In Dark Religious Rays]. Moscow: Respublika, pp. 8–29.

Rozanov, V.V. (1995) 'Merezhkovskii protiv "Vekh" (Poslednee Religiozno-filosofskoe sobranie)' ['Merezhkovsky against "Vekhi" (The Last Religious and Philosophical Meeting)'], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected Works. About Writing and Writers]. Moscow: Respublika, pp. 354–358.

Uells, G. (1964) 'Rossiya vo mgle' ['Russia in the Gloom'], transl. by I. Vikker, V. Pastoeva, in Uells, G. *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh. Tom 15* [Collected Works: in 15 vols. Vol. 15]. Moscow: Pravda, pp. 315–376.

Uspenskaya, A.V. (2009) 'Grecheskaya tragediya v perevodakh D.S. Merezhkovskogo' ['Greek Tragedy in the Translations of D.S. Merezhkovsky'], in Eskhil. Sofokl. Evripid. *Tragedii. Perevody Dmitriya Merezhkovskogo* [Tragedies. Translations by Dmitry Merezhkovsky]. Moscow: Lomonosov", pp. 5–54.

Информация об авторах:

Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Елена Леонидовна Попова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: elporova_1@edu.hse.ru;

Ангелина Дмитриевна Мазурова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: angelinamazurova@gmail.com;

Валерия Эдуардовна Даниелян — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: danielyanva01@gmail.com;

Елизавета Юрьевна Филипенкова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательско-

го университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: elizavetafilipenkova@gmail.com;

Алина Вячеславовна Федорова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: fedorova.alinav@gmail.com;

Александра Алексеевна Осыкина — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: sashaosykina@yandex.ru;

Матвей Алексеевич Владимиров — студент 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: ikickman@mail.ru;

Маргарита Светославова Димова — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: msdimova@edu.hse.ru;

Вячеслав Александрович Воробьев — студент 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: z.zerror@yandex.ru;

Мария Константиновна Воробьева — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: vorobyova-2000@mail.ru;

Ольга Федоровна Левина — студентка 4 курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: oflevina@gmail.com

Information about the authors:

Vladimir K. Kantor — D.Sc. in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Elena L. Popova — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: elpopova_1@edu.hse.ru

Angelina D. Mazurova — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: angelinamazurova@gmail.com

Valeriya E. Danielyan — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: danielyanva01@gmail.com

Elizaveta Yu. Filipenkova — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: elizavetafilipenkovaa@gmail.com

Alina V. Fedorova — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: fedorova.alinav@gmail.com

Aleksandra A. Osykina — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: sashaosykina@yandex.ru

Matvei A. Vladimirov — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: ikickman@mail.ru

Margarita S. Dimova — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: msdimova@edu.hse.ru

Vyacheslav A. Vorob'ev — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: z.zerror@yandex.ru

Mariya K. Vorob'eva — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE

University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: vorobyova-2000@mail.ru

Ol'ga F. Levina — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: oflevina@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2021;
одобрена после рецензирования 05.12.2021;
принята к публикации 07.12.2021.

The article was submitted 28.11.2021;
approved after reviewing 05.12.2021;
accepted for publication 07.12.2021